

А. И. ИВАНОВ

К ВОПРОСУ О НЕСТЯЖАТЕЛЬСКИХ ВЗГЛЯДАХ
МАКСИМА ГРЕКА

В «Византийском временнике» за 1965 г. (т. XXVI, стр. 110—136) опубликована интересная статья Н. В. Сеницыной — «Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей (1518—1519 гг.)». В конце статьи в качестве приложения издан и самый текст послания, которое имеет заглавие: «Изложение отчасти пребывания и чина сущих и святей горе святейших монастырей общих и глаголемых особных и отчасти сказание, яко не от человек ниже человеки, но от божественаго промыслениа и помощи съблюдается гора она до днесь»¹.

Приступая к характеристике публикуемого документа, Н. В. Сеницына поставила перед собой следующие задачи: «во-первых, выяснить место этого сочинения среди других русских описаний афонских монастырей; во-вторых, указать причины его возникновения, связанные с интересом московского правительства к Афону; в-третьих, определить его значение для анализа мировоззрения Максима Грека в момент его приезда на Русь»².

Не касаясь первых двух вопросов, поставленных автором статьи, нам хотелось бы сделать несколько дополнительных замечаний по поводу третьего пункта, в котором идет речь о взглядах Максима Грека на монастырскую жизнь вообще и на монастырские имения в частности.

Основываясь на публикуемом документе и еще на одном сочинении Максима об Афонской горе, написанном им в конце жизни в виде послания к игумену Троицкой лавры Артемию³, Н. В. Сеницына приходит к следую-

¹ Текст послания опубликован по списку ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, собр. Новг.-Соф. биб-ки № 1498, лл. 289—305 об. с основными разночтениями по списку ЦГИАЛ, ф. 834, оп. 2, вып. 2, д. 4025, лл. 126 об. — 141 об.

Послание находится также в рукописях: ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, собрн. XVI в. Кир.-Белоз. мон., № 131/1208, лл. 172—223 об.; F 1,425 (1721 г.), гл. 134, лл. 533—545; Собрн. Хлуд. № 44 (XVIII в.), лл. 888 об. — 907 (А. Попов. Описание рукописей и каталог книг библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, стр. 158—174).

² Н. В. Сеницына. Послание Максима Грека, стр. 113—114.

³ Сочинение это опубликовано В. Ф. Ржигой в его статье: «Неизданные сочинения Максима Грека» по рук. ГПБ им. Ленина ф. 256 — Собр. Румянц., № 264 (XVI в.), лл. 195 об. — 199 об. под заглавием «Послание об Афонской горе» (BS, VI, 1935—1936, стр. 95—99). В. Ф. Ржига высказал предположение, что послание было адресовано игумену Артемию. Мы склонны признать это несомненным по следующим соображениям: 1. Максим написал послание в последние годы своей жизни, так как в нем он жалуется, что подробно все описать ему «велми притрудно очесем уже притупающимся и руке часто болезнующим»; 2. Последние годы жизни (с 1551 по 1556 г.) он провел в Троице-Сергиевом монастыре, куда был переведен в 1551 г. по ходатайству игумена этого монастыря Артемия из тверского заточения; 3) Игумен Артемий принадлежал к партии нестяжателей и был единомышленником и почитателем Максима Грека. В период деятельности Стоглавого собора (1551 г.) он активно выступал против монастырских вотчин (РИБ, IV, стр. 1432—1441). Для обоснования своих суждений он считал важным сослаться на примеры почитаемых на Руси афонских монастырей, за

щим выводам по данному вопросу: 1. В своем позднем сочинении Максим Грек опускает критику порядков обособительных монастырей, высказанную им в первом послании Василию III⁴; 2. Нестяжательские взгляды Максима получили законченную форму только к концу его жизни и «выражены с полной определенностью» в его втором сочинении об Афонской горе⁵; 3. Эта «эволюция нестяжательских взглядов и вообще мировоззрения Максима Грека» была результатом его длительного пребывания на Руси⁶.

Нам кажется, что для полного и отчетливого представления о нестяжательских взглядах Максима Грека следует привлечь не только упомянутые два сочинения, а все его труды, относящиеся к данному предмету.

Формирование нестяжательских взглядов Максима Грека относится ко времени пребывания его в Италии, где он близко познакомился с устройством и бытом некоторых католических монастырей. В доминиканском монастыре во Флоренции, возглавляемом знаменитым флорентийским проповедником и реформатором Иеронимом Савонаролой, он даже некоторое время жил на положении монаха. Известно, что Савонарола выступал как признанный трибун не только в сфере религиозной, но и политической. Это был реформатор, стремившийся преобразовать церковную и общественную жизнь на началах патриархального равенства и евангельской нищеты. О нем К. Маркс говорит: «Его стараниями во Флоренции была введена полная демократия...», а намечаемая им программа преобразований преследовала следующие основные задачи: «реформу христианской церкви снизу доверху, восстановление первоначального равенства между людьми, патриархальный строй»⁷.

Вполне понятно, что преобразовательная деятельность Савонаролы коснулась в первую очередь монастыря, в котором он был настоятелем и в котором некоторое время подвизался Максим. Для этого монастыря он восстановил завет основателя ордена Доминика, который гласил: «Имейте любовь к ближнему, сохраняйте смирение, соблюдайте добровольную нищету: проклятие мое и божие пусть падет на того, кто позволит иметь собственность кому-либо в этом ордене»⁸.

Влияние проповеди и реформаторской деятельности Савонаролы на мировоззрение Максима Грека не подлежит сомнению.

Об этом свидетельствует сходство не только в мыслях и направлении, но даже в способе изложения некоторых сочинений того и другого деятеля»⁹.

Под влиянием Савонаролы сложились уже в Италии и нестяжательские взгляды Максима на монастырскую жизнь. Ясное представление об этих взглядах могут дать два произведения, написанные Максимом во время пребывания в России: 1. «Повесть страшна и достопамятна и о со-

---

сведениями о которых он и обратился к своему другу Максиму Греку; 4) В послании Максим называет своего адресата «ваше преподобие», что можно отнести к духовному лицу среднего ранга. В последние годы жизни у Максима Грека не было друзей из числа духовных лиц этого ранга, с которыми бы он вел переписку, кроме игумена Артемия.

⁴ Н. В. С и н и ц ы н а. Указ. соч., стр. 123.

⁵ Там же, стр. 121—122, 125.

⁶ Там же, стр. 123.

⁷ Архив Маркса и Энгельса, т. VII, стр. 79.

⁸ Паск. В и л л а р и. Джироламо Савонарола и его время, т. I. СПб., 1913, стр. 129; II. СПб., 1913, стр. 334.

⁹ В. С. И к о н н и к о в. Максим Грек и его время. Киев, 1915, стр. 560—573; Б. И. Д у н а е в. Сочинения Савонаролы и Максима Грека. — «Древности». Труды Славянской Комиссии Московского Археологического Общества, т. IV, вып. 1. М., 1917, протоколы, стр. 56—58; El. D e n i s s o f f. Maxime le Grec et l'Occident. Paris, 1943, p. 293—299; А. И. И в а н о в. Максим Грек и Савонарола — ТОДРЛ. т. XXIII, 1968, стр. 217—226.

вершенном иноческом жительстве»¹⁰ и 2. «Послание о католических доминиканском и францисканском монашеских орденах»¹¹.

Первое произведение — «Повесть страшна и достопамятна» делится на две части. В первой части Максим описывает жизнь католических монахов-кортезианцев и организацию их ордена. Главное отличие и достоинство кортезианских монастырей, по описанию Максима, составляют: общежительное устройство монастырей и нестяжательность монахов. «Несть у них ничтоже свое, говорит но, он вся обща, нестяжание же любят, аки велие благо духовное, соблюдает бо их в тишине и всякой правде и непоколебании помыслов и вне всякого сребролюбия и лихоимания».

«Они не пекутся, како пристяжут избылии стяжаний, имений, стада всяческих скотов, ниже велия сокровища на земли, злата и сребра, едино у них преизобильно стяжание и сокровище неистоюще есть прилежнейшее соблюдение и скончание всех евангельских заповедей»¹².

Основным источником пропитания монахов служит милостыня.

Отметив строгий образ жизни и взаимное согласие иноков, Максим далее подчеркивает коллегиальный характер управления. Во главе ордена стоит «зенерал» (генерал), но он не единолично управляет монастырями, а в определенное время собирает всех игуменов и начальников на собор, на котором рассматриваются вопросы устройства и уставов монастырей. «Сия же и ина некая сицевая добре и богоугодне вкупе разсмотривше и исправивше, расходятся и кождо спешит ко своей обители»¹³.

Вторая половина «Повести» посвящена описанию деятельности Савонаролы во Флоренции. Во всем рассказе чувствуется, что личность Савонаролы, его пламенные проповеди, обличавшие пороки богачей и высшего духовенства, особенно лихоимство и ростовщичество и его деятельность произвели на Максима Грека неизгладимое впечатление¹⁴.

Ученик Максима Зиновий Отенский уделяет этой повести особое внимание в своем сочинении «Истины показание». Он рассматривает предлагаемое в ней описание латинских монастырей как выражение нестяжательских взглядов Максима Грека, сходных с учением о том же предмете Вассиана Патрикеева, и посвящает целую главу (45-ю) опровержению их¹⁵.

Второе из указанных сочинений — «Послание о католических доминиканском и францисканском монашеских орденах» по своему содержанию примыкает к предшествующей повести. В нем также восхваляется образ жизни католических монастырей, монахи которых, по словам Максима, не имеют имений, а живут своим трудом и подаванием.

Таким образом, нестяжательские взгляды Максима Грека в отношении устройства монастырей и жизни монахов сложились еще в бытность

¹⁰ Сочинения Максима Грека, ч. III. Казань, 1862, стр. 178—205. Находится в рукописях: ГПБ им. Ленина, ф. 173 — собр. МДА фонд., № 153 (XVI в.), сл. 20; ф. 256 — собр. Румянц. № 264 (XVI в.), лл. 225—233; ГИМ Увар № 310 (XVI в.), ч. II, гл. 74, лл. 194—212; ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. F1.250 (XVI—XVII вв.), лл. 52—62.

¹¹ Опубликовано В. Ф. Ржигой в статье «Неизданные сочинения Максима Грека» по рук. ГПБ им. Ленина, ф. 256 — собр. Румянцева, № 264 (XVI в.), лл. 177—178 об. (BS, VI, стр. 99—101).

¹² Сочинения Максима Грека, III, стр. 186—188.

¹³ Там же, стр. 186—187.

¹⁴ В некоторых рукописях сказание Максима о Флоренции и Савонароле выделяется в особую повесть под заглавием: «Ина повесть предивна велми» или «Ина повесть душеполезна». Начало: «Флоренция град есть прекраснейшей» [ГПБ им. Ленина ф. 256 — собр. Румянц. № 264 (XVI в.), лл. 233 об.— 239; ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, О XVII. 67 (XVII в.), л. 62 и сл.].

¹⁵ Инок Зиновий «Истины показание к вопросившим о новом учении». Казань, 1863 г., стр. 887—910; Ф. К а л у г и н. Зиновий, инок Отенский, и его богословско-полемиические и церковно-учительные произведения. СПб., 1894, стр. 234—244.

его в Италии под влиянием деятельности Савонаролы и в результате наблюдений над жизнью некоторых католических монастырей¹⁶. Сущность этих взглядов, как они выражены в указанных выше двух сочинениях Максима, можно свести к следующим положениям: 1. Общежительный строй монастыря, 2. Полное отсутствие личной собственности у монахов, 3. Необходимость для монахов добывать себе пропитание собственным трудом, 4. Равенство монахов в труде, потреблении и общем положении, 5. Отсутствие у монастыря имений и других богатств как источников нетрудовых доходов, 6. Монастырю разрешается принимать милостыню и собирать подаяния, но только необходимые для пропитания, а не излишние и 7. Строгая дисциплина, основанная на добровольном послушании.

С этими взглядами Максим прибыл в 1505 г. на Афон. Здесь он встретил два типа монастырей: общежительные (киновии) и особножительные (идиоритмы).

И. Денисов заявляет, что Максим Грек, усвоивший в монастыре Савонаролы идеал монашеской «бедности и нищеты», отнесся критически к афонским идиоритмам¹⁷. К сожалению, кроме маленькой эпиграммы, четырех небольших эпитафий и канона Иоанну Крестителю, опубликованных И. Денисовым¹⁸, никаких других трудов Максима Грека от периода его пребывания на Афоне до сих пор не обнаружено¹⁹. Однако можно полагать, что симпатии Максима Грека были на стороне общежительных монастырей Афона, так как они по своему уставу более соответствовали его нестяжательскому идеалу. Если он избрал для своей монашеской жизни особножительный Ватопедский монастырь, то это объясняется тем, что Ватопед был самым богатым на Афоне по собранию древних рукописей. Ему достались в XIV в. библиотеки двух византийских императоров, бывших в нем монахами, — Андроника II Палеолога (1328—1332) и Иоанна Кантакузина (1354—1383)²⁰. Эти книжные богатства Ватопеда и привлекли в него любознательного Максима, стремившегося пополнить и углубить свои разносторонние знания.

Монашеская жизнь на Афоне не внесла каких-либо существенных изменений в нестяжательские взгляды Максима. В условиях афонской действительности они приняли только более конкретный характер. Об этом свидетельствуют сочинения Максима об Афоне, написанные им во время пребывания в России, к рассмотрению которых мы и переходим.

1. Самым ранним сочинением Максима Грека об афонских монастырях, написанным им по приезду в Москву, является указанное выше послание Василию III. Поскольку подробный разбор послания имеется в статье Н. В. Сеницыной, мы ограничимся здесь лишь некоторыми выводами, которые вытекают из его содержания.

1. При описании общежительных и особножительных монастырей Максим Грек явно отдает предпочтение первым, так как в них более последо-

¹⁶ Необходимо отметить, что описанные Максимом Греком католические монастыри, не владеющие никакими имениями и живущие подаянием и личным трудом монахов, были редким исключением. Основная масса монастырей на Западе, как и в Византии, держала в своих руках огромные вотчины и другие богатства.

¹⁷ El. Denisoff. Op. cit., p. 293—294.

¹⁸ Ibid., p. 412—420.

¹⁹ Афонская жизнь Максима Грека вообще остается почти не освещенной не только в русской, но и в греческой литературе. Современный греческий ученый Григорий Папамихаил в своем довольно обширном труде (*Μέγιστος ὁ Γραικὸς ὁ πρῶτος φωτιστὴς τῶν Ῥώσων*. Ἐν Ἀθῆνῶν, 1950) уделяет всего несколько страниц жизни Максима на Афоне, перечисляя его мелкие литературные труды, опубликованные И. Денисовым (σελ. 35—37, 412—416). Едва ли, однако, можно допустить, что Максим Грек при его любознательности и склонности к литературной деятельности за десятилетний период своей жизни на Афоне ограничилсяписанием только указанных богатств произведений.

²⁰ В. С. Иконников. Максим Грек и его время, стр. 141.

вательно проводится принцип равенства монахов и обязательной для всех трудовой повинности ²¹.

2. В послании подчеркивается, как важнейшее отличие общежительных монастырей, полное отсутствие у монахов личной собственности («яко ниже до иглы, по реченому, власти дрѣжати в келии, кроме изволения настоятеля»). Здесь почти буквально повторяется предписание Студийского устава, которым воспрещалось инокам держать у себя в келье даже ничтожную вещь вроде иглы или кусочка пищи без благословения и разрешения игумена ²².

3. В качестве одного из главных требований выдвигается необходимость для всех монахов трудиться и полное равенство в труде. Это одинаково относится как к общежительным, так и к обособленным монастырям. Максим с явным неодобрением отзывается о привилегированном положении богатых вкладчиков в лаврах (особножительных монастырях). Вкладчика, который принесет в монастырь серебро, говорит он, «покоят в келии ключиме и подають ему и виноград, и сад, и вино, и елей прѣвый год, дондеже уплодит его виноград, и сотворят его свободна от тяжких служб и во всех в покое пребывает...; в киновиях же вкладчики не именуются, но равне вси тружуются кождо по своей силе и възрасту и равне вси от обители имуть и одеания и обувеня доволнаа в весь свой живот».

От вступающих в общежительный монастырь не требуется каких-либо взносов. Требование вклада Максим Грек осуждает, называя его «сребролюбием» и «братоненавидением». Здесь всякого «любезне» принимают, независимо от вклада, «наипаче лучше имеют единого трудника брата, неже десять възкладчика».

Вопрос о вкладчиках не затрагивался Максимом Греком в сочинениях о католических монастырях, так как там, по-видимому, он не наблюдал подобного явления. Максим выдвинул этот вопрос под влиянием афонской действительности.

4. В послании не упоминается о монастырских имениях с феодально-зависимым населением, несомненно, потому, что таких имений у афонских монастырей во время Максима не было.

Но при перечислении обязанностей монастырского эконома говорится о применении в монастырях наемного труда. Такой труд применялся, несомненно, в первую очередь при обработке принадлежащих монастырю земельных участков. Поскольку такие участки ввиду их незначительных размеров не служили источником обогащения монастыря и не создавали условий для тунеядства монахов, Максим Грек не высказывает к ним отрицательного отношения.

5. Далее, он не осуждает получение монастырем «милостыни от христолюбцев» в виде серебра и других дарений «от господарей и князей и от всякого православного христианина», если эта милостыня используется для удовлетворения насущных нужд монастыря.

6. Наконец, Максим Грек отмечает тот же коллегияльный характер управления в афонских монастырях, какой он наблюдал в некоторых католических, и строгую дисциплину среди монахов, построенную на началах добровольного послушания.

Во главе всех афонских монастырей стоит прот, который избирается, подобно «зенералу» (генералу) кортезианского ордена, на общем собрании игуменов и старцев афонских. Прот управляет монастырями не единолично, но для решения каждого важного дела, касающегося монастырской

²¹ О равенстве всех в киновии Феодор Студит писал в своих наставлениях: «Здесь и правитель отлагает свое господство, и богатый отвергает свое богатство, и бедный забывает о своей бедности, и сирота избавляется от своего сиротства» (Творения Феодора Студита в русском переводе, т. I. СПб., 1907, стр. LXXXVIII).

²² Творения Феодора Студита, т. I, стр. LXXXV.

жизни, созывает собор представителей от каждого монастыря, которые «с Протом седевшо о них же подобает советують».

«Обычай убо великим Лаврам есть, тако же и меншим монастырем собор имети честнейших старцев, яко же предрекохом, кои с преподобнейшим игуменом сядяще, вся монастырская с богобоязньством и прилежанием управляют».

О дисциплине среди монахов Максим Грек кратко замечает, что иноки поставленным над ними игуменом и собором старцев «повелевающим (т. е. начальникам.— *А. И.*) служат и покоряются абие с усердием многым и душевным веселием под иго послушания подтицают».

По-видимому, во времена Максима Грека в афонских монастырях, даже в общежительных, не применялось со всей строгостью тираническое правило Студийского устава, которое обязывало инока прежде всего повиноваться игумену беспрекословно и без рассуждений. «Истинный послушник,— гласит оно,— повинуется даже сухой палке, поставленной настоятелем, а тем более человеку и брату». Для него нет пределов послушания. Он повинуется так, как раб господину, как животное пастуху, как железо кузнецу²³.

Из приведенного краткого обзора содержания послания Максима Грека Василию III об афонских монастырях обнаруживается, что нестяжательские взгляды Максима, сложившиеся в период пребывания его в Италии, не претерпели каких-либо изменений за время жизни его на Афоне. Под влиянием наблюдений над афонскими монастырскими порядками эти взгляды получили только по некоторым пунктам более конкретное выражение (вопрос о вкладчиках, об ограничении земельных владений, о применении наемного труда). Послание написано в спокойном тоне. В нем мы не встречаем резкой критики особножительных монастырей, как утверждают И. Денисов и Н. В. Сеницына, хотя Максим и отдавал предпочтение киновии.

II. Второе сочинение об афонских монастырях, написанное Максимом Греком в России, было направлено Вассиану Патрикееву. Оно озаглавлено: «Сказание инока Максима ко старцу Васиану о святой горе жительства»²⁴.

Сказание начинается: «Во святой горе житие разделяется на трое: на общее и на особое, сиречь на лаврское и на скитское».

Как указывается в заглавии, сказание было написано для князя-инюка Вассиана Патрикеева, который ко времени приезда Максима Грека в Россию возглавлял партию противников вотчинных прав монастырей. Для подкрепления своей полемики против иосифлян-стяжателей юридическими основаниями Вассиан решил составить новую Кормчую, так как в прежних он обнаружил противоречия. За помощью он обратился к только что прибывшему в Москву Максиму Греку и встретил в его лице полного единомышленника. Для Кормчей Вассиана Максим перевел несколько соборных правил с толкованиями Вальсамона и составил данное сказание об афонских монастырях, которое Вассиан также включил в свою Кормчую.

Таким образом, время написания сказания следует отнести к первым годам пребывания Максима в Москве. Возможно, что оно было написано одновременно с посланием по тому же предмету Василию III или вскоре после него и во всяком случае, не позднее 1521 г.

²³ Творения Феодора Студита, т. I, стр. LXXXIV.

²⁴ Сочинения Максима Грека, III, стр. 243—245. Находится в рукописях: ГПБ им. Ленина, ф. 304 — собр. Тр. I, № 200 (XVII в.), лл. 14—15; Ф. 310 — собр. Унд. N 488 (1699 г.), л. 603; ГИМ Хлуд. № 75 (1862 г.), гл. 132, лл. 499—500; ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, F II, 74 (XVI в.), лл. 351 об.—352. Последняя рукопись содержит Кормчую Вассиана Патрикеева, датированную 1517 г.

В сказании дается краткая характеристика общежительных и особножительных монастырей в полном соответствии с содержанием предшествующего «Изложения».

«В киновии,—говорится здесь,—и труды и имение и пища и прочая вся суть обща всем и внутрь монастыря и вне».

Об особножительных монастырях — Лавре Афанасия и Ватопеде — Максим пишет: «Труды внутрь монастыря и вне общи всем по разсуждению и по достоинству, милостину же приходящую всю в казну полагают на всяческую потребу монастырскую со всяким бжежением и на гость, а братиям по келиям дают всем на всяк день по два хлеба, а в среду и пяток по единому, а служители взимают всякую потребу от монастыря... А которыхы братия в монастырь вклад дают, тем на воли, хотят делают, хотят не делают, обыче и те делают по своей силе. В киновиях же вклад не дают за свой покой, разве за благословение и милостыню».

Далее отмечается коллегиальный характер управления в афонских монастырях. «В киновиях же и лаврах обычай, читаем мы здесь, да игумен без совета братей избранных 15 и 20 не может ни которова дела сотворити един».

В конце сказания Максим прибавляет, что «во всей святой горе... игумени на всякой службе монастырской тружаются с братиею, мирских же служителей во всей святей горе нет, разве по единому или по два, которыхы соблюдают мскы и кони и волы монастырския».

Сказание ко старцу Вассиану, как и послание Василию III, написано в спокойном и объективном тоне и никакой критики особножительных монастырей не содержит. Не говорится здесь и о монастырских имениях, так как Максим Грек не успел еще ознакомиться с русскими монастырями и у него не было объектов для сопоставлений.

Знакомство Максима Грека с положением русских монастырей и их вотчинными владениями произошло несколько позднее, причем не столько через личное наблюдение, особенно на первых порах, сколько через информацию, получаемую от знакомых и друзей и прежде всего от Вассиана Патрикеева.

Соприкосновение с русской действительностью нашло отражение в третьем сочинении Максима Грека об Афонском горе.

III. Третье сочинение Максима Грека об афонских монастырях известно под заглавием: «Об Афонском горе и тамошних монастырях». Оно начинается: «Святая гора есть в Македонстей рекше гречестей земли, долина ее на сто верст»²⁵.

В этой небольшой статейке подчеркивается, что афонские монастыри не имеют имений и питаются от своих трудов. «И вси (монастыри афонские.— А. И.), говорится здесь, без имений, и своими трудами и питаются и одеваются, села у них несть, одны винограды и садове».

Адресат статьи неизвестен, как и время ее написания. Скорее всего ее можно отнести к ранним произведениям Максима Грека, до его первого суда 1525 г. и заточения, когда он деятельно включился в споры о монастырских имениях на стороне нестяжателей вместе с Вассианом Патрикеевым.

После заточения (1525 г.) Максим Грек на протяжении свыше 25 лет не выступал с сочинениями об устройстве афонских монастырей. За это время им написано лишь несколько сказаний об Афоне, которые воспроизводят ходившие среди афонских монахов предания легендарного характера. Таковы, например: 1. «Воспоминание отчасти святягы горы Афонския како наречена бысть святая гора и коих дел ради тако прозвася»,

²⁵ Сочинение не издано. Находится в рукописях: ГПБ им. Ленина, ф. 256 — собр. Румянц., № 264 (XVI в.), лл. 133 об.—134; ф. 304 — собр. Тр. I, № 200 (XVII в.), лл. 13 об.—14; ф. 310 — собр. Унд. № 488 (1699 г.), лл. 601—601 об.; ГИМ Хлуд. 75 (1862 г.), гл. 131, лл. 498—498 об.

в котором повествуется о путешествии богородицы на Афон²⁶; 2. «Сказание о иконе богородицы от отрока пущенной на море яже прииде во святую гору»²⁷; 3. «Сказание о монастыре Ватопеди»²⁸, где рассказывается о чудесном событии, послужившем поводом к основанию Ватопедского монастыря.

Все эти три отдельные сказания в совершенно иной и явно искаженной редакции включены без всякой связи в сочинение Максима Грека «Вопрошение известно от неких: почто от тридневного воскресения Христова до Фомины субботы не воздвизаются пречистыя хлеба, токмо артус воздвизают...», которое помещено в Казанском издании²⁹.

Порфирий Успенский имел известные основания утверждать, что находящиеся в печатном издании указанные сказания являются вставкой неумелого собирателя сочинений нашего писателя³⁰. Но это можно признать справедливым только в отношении печатной редакции сказаний. Что касается отмеченных выше неизданных списков сказаний, которые не были известны Порфирию Успенскому, то принадлежность их Максиму Греку едва ли можно оспаривать. Возможно, что поводом к написанию этих сказаний послужило желание Максима поднять авторитет Афонской горы в глазах русских церковных людей, так как противники нестяжателей продолжали выступать с хулой на афонские порядки.

В 1551 г. Максим Грек был переведен из Тверского Отрочаго монастыря в Троице-Сергиеву Лавру по ходатайству игумена последней Артемия. Эта перемена в его жизни совпала с крупным событием в истории русской церкви — созывом так называемого Стоглавого собора. В связи с наметаемыми на соборе церковными преобразованиями снова оживились споры по вопросу о монастырских вотчинных владениях. Как отмечалось нами выше, друг и почитатель Максима Грека игумен Артемий принадлежал к числу нестяжателей и принимал в этих спорах деятельное участие.

²⁶ Не издано. Находится в рукописях: ГПБ им. Ленина, ф. 304 — собр. Тр. I, № 200 (XVII в.), лл. 458—463; ГПБ им. Салтыкова-Щедрина F I. 425 (1721 г.), гл. 123; рук. Хлуд. собр. № 44 (XVII в.), лл. 850 об. — 855 (А. П. О. П. О. В. Описание рукописей А. И. Хлудова. М., 1872 г., стр. 158—174); Н. В. Сеницына указывает сборник 30-х гг. XVI в. ГПБ им. Ленина, ф. 173 (фунд.). № 50, лл. 44—48 (Н. В. Сеницына. Послание Максима Грека, стр. 115, прим. 41). Порфирий Успенский опубликовал найденную им на Афоне более позднюю редакцию сказания (между 1568 и 1659 гг.), оно озаглавлено: «Сказание о святей горе Афонстей, како бысть в жребий пресвятей владычицы нашей богородици, и како святая гора наречесе и в первобль (сад) ее... списано божественным Стефаном». Порфирий отвергает причастность к сказанию Максима Грека (Восток Христианский. История Афона, ч. II. Киев 1877 г., стр. 21, 129—131). Но с этим едва ли можно согласиться, так как Максим Грек говорит о путешествии богородицы на Афон и в своем послании Василию III об афонских монастырях (Н. В. Сеницына. Указ. соч., стр. 128—129).

²⁷ Сказание не издано. Находится в рукописях: ГПБ им. Ленина, ф. 304 — собр. Тр. I, № 200 (XVII в.), л. 460 сл.; ф. 310 — собр. Унд., № 488 (1699 г.), лл. 555—558; ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. О 1.72 (XVIII в.), лл. 112 об. — 115 об.; F I. 425 (1721 г.), гл. 124.

²⁸ Сказание не издано. Находится в рукописях: ГПБ им. Ленина, ф. 304 — собр. Тр. I, № 200 (XVII в.), лл. 463—464 об.; ф. 310 — собр. Унд., № 488 (1699 г.), лл. 558 об. — 560 об.; ГПБ им. Салтыкова-Щедрина F I. 425 (1721 г.), гл. 125.

Указанные три сказания об Афоне мы считаем возможным признать за произведения Максима Грека по следующим основаниям: 1) Все они находятся среди сочинений Максима Грека в одном из самых авторитетных рукописных сборников XVII в. (Лавр. № 200) и в ряде других; 2) По поводу содержания первого сказания — о путешествии богородицы на Афон — Максим говорит в другом своем сочинении, в «Послании Василию III об афонских монастырях». (Н. В. Сеницына. Указ. соч., стр. 128—129); 3) Сказания по содержанию своему и стилю на стоят в противоречии с другими произведениями Максима Грека об Афонской горе, отмеченными большей частью чертами легендарно-апокрифического характера; 4) Е. Голубинский в своем обзоре сочинений Максима Грека по Лаврским рукописям № 200 и 201 не высказывает каких-либо сомнений относительно подлинности этих сказаний (История русской церкви, т. II, половина 2-я. М., 1917 г.).

²⁹ Сочинения Максима Грека, III, стр. 109—115.

³⁰ Порфирий Успенский. Указ. соч., ч. III, отд. II, стр. 453—457.

Из его послания к Ивану Грозному известно, что он имел с царем речи о вотчинах монастырских³¹. Естественно, для подкрепления своих суждений он считал важным сослаться на примеры почитаемых на Руси афонских монастырей, за сведениями о которых он и обратился к своему другу Максиму Греку.

Так появилось последнее сочинение Максима Грека об афонских монастырях, известное под заглавием: «Послание об Афонской горе»³².

Оно начинается: «Живущих въ святей горе преподобных инок, живых исповедник христовых, жительство и пребывание просившим вам от мене въкратце сказываю преподобию вашему».

Ко времени написания послания у Максима Грека накопилось вполне достаточно сведений о положении русских монастырей и не только из рассказов друзей и единомышленников, но и на основании личных наблюдений. Поэтому в послании дается более конкретная картина экономического состояния афонских монастырей путем сопоставления их с русскими монастырями.

«Все бо монастыри,— пишет Максим об Афоне,— без имениих, рекже без сел живут, одними своими рукоделии и непрестанными труды в поте лица своего добывают себе вся потребна житейская. Нестъ у них в казне сребро лишне лежаще, ни в людех по здешнему обычаю, чиста есть Святая гора от сицевых непохвальных прибиткох».

Подчеркивая, таким образом, как и в прежних своих описаниях Афона, отсутствие у афонских монастырей как у обезжителейных, так и у особенножительных земельных владений с зависимым населением и обязательность для монахов собственным трудом добывать себе средства к жизни, Максим Грек добавляет, что афонские монастыри не имеют лишнего серебра в казне или отданного «в рост», как это наблюдается в русских монастырях.

В последующем изложении он отмечает, что у афонских монастырей имеются как на Афоне, так и «вне святая горы» винограды и пашни, которые обрабатываются с помощью нескольких наемных людей. Наемный труд оплачивается деньгами, серебром — «милостыней от христоробцев», которая поступала и поступает в качестве пожалований от частных лиц и как руга от государства (от Византии прежде и от московских князей позднее). Все это Максим Грек не считает «стяжанием», так как все это «нужная, а не излишняя».

Надо сказать, что послание вообще не вносит чего-либо нового по сравнению с прежними сочинениями Максима Грека об Афоне. В нем излагаются те же воззрения на монастырские порядки, что и в послании Василию III. Мало того, сопоставляя сочинения нашего писателя о католических монастырях и афонских, мы приходим к выводу, что его нестяжательские взгляды на изменялись на протяжении всей жизни, оставаясь и в России такими же, какими сложились в Италии под влиянием Савонаролы³³.

³¹ Е. Г о л у б и ц к и й. История русской церкви, т. II, 1-я половина. М., 1900, стр. 836.

³² Опубликовано В. Ф. Ржигой. См. прим. 3.

³³ При сопоставлении нестяжательских взглядов Максима Грека, вынесенных им из Италии, со взглядами главных представителей русских нестяжателей — Нила Сорского и Вассиана Патрикеева, нельзя не отметить поразительного сходства между ними. Основные мысли об организации монашества во всех произведениях Максима Грека сводятся к следующему: 1) все нужное для жизни монахи должны приобретать «от трудов своих», 2) в случае необходимости они могут принимать от христоробцев милостыню, но только нужную, а не излишнюю, 3) монастыри не должны иметь вотчин и вообще не допускать стяжания от чужих трудов. Совершенно то же самое мы читаем в «Уставе» Нила Сорского и в «Собрании некоего старца на воспоминание своего обещания» Вассиана Патрикеева (Н. А. К а з а к о в а. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.— Л., 1960, стр. 24—25, 78—81 223—230).

Если здесь и можно говорить об эволюции, то только в том смысле, что из пассивного созерцателя монастырской жизни, каким был Максим Грек в Италии и на Афоне, он превратился в России в пламенного обличителя монастырского стяжательства и монашеских пороков. Этот перелом в настроении произошел под влиянием окружающей русской действительности.

В России Максим встретил столь богатые монастыри, каких он не наблюдал на Западе и о каких на Афоне не имели даже представления. Главное богатство их составляли вотчины, населенные крестьянами, собственное хлебопашество с содержанием коровьих стад и конских табунов, рыбные ловли и соляные варницы.

Монастырские вотчинные земельные владения создавались различными путями и за счет различных источников. В северных районах страны монастырские вотчины росли главным образом за счет черных крестьянских и вотчинных боярских земель, которые переходили в руки монастырей путем заимки, княжеских пожалований, купли, мены и т. д. ³⁴

В центральных районах монастырские земельные имения расширялись главным образом путем широко практиковавшихся ростовщических операций. Монастыри охотно ссужали князьям, боярам и мелким вотчинникам деньги под заклад вотчин, прибирая их постепенно к рукам. Значительная часть земель поступала также в монастыри в виде вкладов. К середине XVI в. в руках монастырей сосредоточилось огромное количество земельных владений с феодально зависимым населением. По свидетельству Климента Адама, писавшего о России в 1553 г., монастырские имения составляли в то время третью часть государства ³⁵. Самыми богатыми среди монастырей-вотчинников были Троице-Сергиев и Кирилло-Белозерский ³⁶. Чтобы судить о богатстве этих монастырей, приведем несколько справок об экономическом положении Троице-Сергиева монастыря, который считался киновией и в котором Максим провел последние годы.

По Кормовой книге, составленной в 1592 г., у монастыря было около 100 сел со множеством деревень, которые достались ему путем вкладов или были приобретены покупкой. По описям XVII в., крестьян и бобылей, принадлежавших монастырю, насчитывалось свыше 100 тыс. ³⁷ Кроме вотчин, Троицкий монастырь получил в дар и приобрел множество соляных варниц и рыбных ловлей. Излишки соли, получавшейся с варниц, и излишки рыбы, добывавшейся на ловлях, как и излишки хлеба, монастырь продавал, причем пользовался привилегией — свободной от всяких пошлин. Торговлю монастырь вел в таких обширных размерах, что посылал свои суда даже за море ³⁸.

О богатом хозяйстве монастыря дает представление опись 1641 г., составленная царской комиссией. По описи, денег в казне монастыря оказалось 13 861 рубль, что на наши нынешние деньги составит несколько миллионов и, кроме того, еще большая сумма была в раздаче в рост, преимущественно своим крестьянам. Хлеба в монастырских житницах было 19 044 четверти и помимо того весьма значительное количество в раздаче по долгам и в сельских монастырских житницах.

³⁴ Н. А. Казакова. Указ. соч., стр. 6.

³⁵ *Rerum moscovitarum Commentarii. Scriptores varii: Francof., 1600, p. 153; И. У. Будонид. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947, стр. 9—10.*

³⁶ В. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.—Л., 1951, стр. 181; А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края в XV—XVI вв. М.—Л., стр. 181.

³⁷ В. Иконников. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869, стр. 138—142; Е. Голубинский. Преп. Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. Изд.—2-е. М., 1909 г., стр. 120, прим. 1.

³⁸ В. Иконников. Указ. соч., стр. 152; Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 122.

Рыбных запасов в погребах и на сушилах было: 4040 астраханских белуг (калуг), 1675 осетров, 1500 полурыбников белужьих, 190 косяков белужьих; беломорские рыбы: 1865 семог осенней ловли, 3326 семог весенней ловли, 1935 щук вялых, 1245 лещей вялых. На погребах и ледниках разных сортов пива и медов 51 бочка³⁶; меду-сырцу для приготовления медов-напитков было 3358 пудов, причем остается неизвестным, какую часть годовых запасов представляло все перечисленное⁴⁰.

На конюшенном дворе ездовых лошадей было 431 и на рабочем дворе рабочих лошадей 285; на коровьем дворе рогатого скота 53 головы и по селам 500 голов⁴¹.

Управление монастыря состояло из игумена (или архимандрита), келаря и казначея. Эти представители власти монастыря жили в неподобающей их сану роскоши. В особенности богат и знаменит был келарь Троицкого монастыря, который являлся господином над таким количеством крестьян, какого не имел ни один мирской вотчинник, за исключением самого государя. Келарь имел в своем распоряжении огромный штат чиновников и даже некоторое войско (монастырских стрельцов и пушкарей). К нему съезжалась гостить вся знатная Россия. Келаря Троицкого монастыря обычно называли «великий келарь» (а в насмешку его называли и «королем») ⁴².

Об одном келаре (Георгии Дашкове) рассказывали, что когда он ездил в приписные монастыри и для осмотра вотчин, то, забрав с собою множество всяких припасов, отправлялся в путь огромнейшим поездом: брал с собою до полутораста человек служителей и до двухсот лошадей и что дорогой для ночлегов разбивали палатки, около которых держали караул отставные солдаты, находившиеся на содержании монастыря⁴³.

О злоупотреблениях монастырских властей и их подручных чиновников-монахов и светских управителей, их «несытом мздоимстве» и «разорении крестьян» сохранилось немало официальных известий⁴⁴.

Друг Максима Грека Артемий, поставленный в игумены Троицкого монастыря в мае 1551 г., через шесть с половиной месяцев отказался от игуменства, так как порядки монастыря и нравы монахов нашел бесполезными для своей души⁴⁵.

Троицкий монастырь в XVI в. был самым богатым на Руси по размерам вотчинных владений и по количеству зависимых крестьян.

³⁹ Один англичанин, посетивший Троицкий монастырь в середине XVI в., пишет о его напитках: «Монахи свели меня в погреба и заставили попробовать различных напитков: вин, пива, меду и квасов различных цветов и способов выделки; в их погребах такое множество напитков, что, полагаю, немного и государей имеют больше или столько же; здешние сосуды или бочки неизмеримой величины; некоторые имеют по три и более аршин в высоту и два и более аршина в диаметре на дне; каждая бочка содержит от шести до семи тонн, в погребах нет бочки собственного изделия, которая содержала бы меньше тонны; в монастыре девять и десять подвалов, наполненных такими бочками» (Е. Г о л у б и н с к и й. Указ. соч., стр. 128).

⁴⁰ Читая про такие монастырские запасы, невольно вспоминаешь «Слово Максима Грека на несытное чрево и бесчисленных зол виновно иночествующим» [Сочинения Максима Грека, II, стр. 153—154. Находится в рукописи: ГПБ им. Ленина, ф. 173, № 138 (XVI в.), сл. 17; ф. 98, № 508 (XVI в.), лл. 126—127 об. и др.]. А. И. Соболевский ошибочно приписывает слово Григорию Богослову (А. И. С о б о л е в с к и й. Переводная литература Московской Руси XIV—XV веков. Библиографические материалы. СПб., 1903, стр. 270) на основании одной поздней старообрядческой рукописи, не заслуживающей доверия [ГПБ им. Ленина, ф. 310 — собр. Унд. № 338 (XVIII в.), ч. I, лл. 143 об.—144].

⁴¹ Е. Г о л у б и н с к и й. Указ. соч., стр. 126.

⁴² Там же, стр. 135—136.

⁴³ Там же, стр. 136.

⁴⁴ Там же, стр. 126—127; прим. 3. (Ср. Полное собрание законов Российской империи, т. X. СПб., 1830, стр. 619; «Описание документов и дел, хранящихся в архиве св. Правительственного Синода», т. I. СПб., 1868, стр. 14—23; т. II. СПб., 1879, стр. 230, 541 и 711).

⁴⁵ Е. Г о л у б и н с к и й. Указ. соч., стр. 127.

Из остальных монастырей, наиболее крупных по своим имениям, два имели более 20 тысяч крепостных каждый, а 7 — более 10 тысяч⁴⁶.

Надо полагать, что в большинстве богатых русских обитателей господствовали те же порядки и нравы, какие наблюдались в Троице-Сергиевом монастыре.

Максим Грек не мог равнодушно взирать на указанные выше явления в жизни русских монастырей, которые решительно не соответствовали его нестяжательским идеалам, и резко выступил против них в ряде своих сочинений.

Необходимо при этом отметить, что Максим одинаково порицал за их богатства как особножительные, так и общежительные монастыри, не делая между ними никакого различия. Вот, например, как отвечал он на попытки сторонника Иосифа Волоцкого оправдать богатства его монастыря строго общежительным уставом:

«Смешно ты говоришь, что никто из вас, владеющих землями и селами, не имеет ничего своего, а все у всех — общее. Это все равно, как если бы несколько человек, находясь в преступной связи с одной блудницей, и потом, быв обличены, стали каждый говорить в свое оправдание: я не грешен, потому что она не моя, а общая; или если бы кто, вступив в шайку разбойников и награбив с ними богатство, потом, пойманный, стал отвечать на пытке: я не виноват, потому что все осталось у товарищей, а я у них ничего не взял»⁴⁷.

Мы остановимся кратко только на некоторых обличительных сочинениях Максима Грека, направленных против монастырского стяжательства.

Первым из них и наиболее значительным является «Слово душеполезно зело внимающим ему. Беседует ум к души своей, в немже и на лихоимство»⁴⁸.

В этом слове Максим обрушивается на монахов, которые занимаются лихоимством и ростовщичеством. Такие монахи, питаясь кровью бедственно живущих, уподобляются зверям-кровопийцам и из сухих костей «тщатся ссати мозги, якоже род псов и вранов».

Отягощая бедных всякими налогами и ростовщичеством, монахи-стяжатели напоминают пагубных грутней, которые чужими трудами всегда наполняют свое чрево. Владея селами, монахи-тунеядцы не заботятся о поселянах, но как купленных рабов постоянно морят их всякими тяжкими трудами; если же они в чем провинятся, тотчас заковывают им ноги в железные кандалы.

Максим указывает далее, что монастыри, увлеченные жаждой обогащения, приобретали себе села путем подкупа в судах, старались наполнить свои кладовые съестными припасами и складывали в своих вотчинах большие стога хлеба, которые хранили на голодное время для продажи по более дорогой цене, оставляя бедных людей умирать с голода.

Не менее резко выступает Максим Грек против монастырей-вотчинников в другом большом сочинении: «Стязание о известном иноческом жителстве. Лица же стязующихся: Филоктимон да Акимон, сиречь любостяжательный да нестяжательный»⁴⁹.

⁴⁶ Голубинский. Указ. соч., стр. 121.

⁴⁷ Сочинения Максима Грека, ч. II. Казань, 1860, стр. 114—115.

⁴⁸ Сочинения Максима Грека, II, стр. 5—52. Находится в рукописях: ГПБ им. Ленина, ф. 173 — собр. МДА (вр.), № 138 (XVI в.), сл. 15; ф. 98 — собр. Егорова, № 508 (XVI в.), гл. 4; ф. 256 — собр. Румянц., № 264 (XVI в.), лл. 115—134; ГИМ Увар. № 309 (XVI в.), ч. I, гл. 15, лл. 121 об. — 141 об. ЦГИАЛ, ф. 834, оп. 4, д. 1622 (нач. XVII в.), лл. 183—226 об. и др.

⁴⁹ Сочинения Максима Грека, II, стр. 89—118. Находится в рукописях: ГПБ им. Ленина, ф. 98 — собр. Егорова, № 508 (XVI в.), гл. 9, лл. 163—196; ф. 256 — собр. Румянц., № 264 (XVI в.), лл. 153—164; ГИМ Увар. № 309 (XVI в.), ч. I, гл. 20, лл. 157 об. — 170; ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. О 1.219 (XVI—XVII в.), гл. 11, лл. 114 об. — 136 и др.

Максим обличает здесь монастыри и монахов за то, что они, забыв священную заповедь о нищелюбии, мучат крестьян «тягчайших ростов истязании моряще их безпрестани и всяческими монастырскими работами, внутри же и вне горчайше их житие соделающе».

Отдавая свои деньги в рост беднякам и своим крестьянам, заимодавцы-монастыри и монахи не щадят своих должников, но когда проценты увеличатся, истязают этих бедняков, отнимают у них последнее имущество, выгоняют их «вкупе с женою и детми» из домов и даже из селений, или порабощают их «вечным порабощением, якоже и древний мучитель Фараон сыны израилевы».

Приведем, наконец, несколько выдержек, в которых обличаются стяжания монахов, из третьего сочинения Максима Грека. Оно озаглавлено: «Слово о покаянии, вельми душеполезно верою и любовию велицеюмерно внимающим его, и с разумом трезвенным прочитающим его»⁵⁰.

Здесь Максим Грек, обличая монашество в лицемерном внешнем благочестии, указывает, что современные ему иноки, забыв свои обеты, «стяжания паки всякия и стада скотския себе пристяжают и всякия сладкия пици и прохлада обильно насыщаются по́том подручных поселян. Тии ж... во скудости и нищете всегда пребывают, ниже ржаного хлеба чиста ядуще, многажды же и без соли от последния нищеты».

Особенно страдают подвластные монастырям крестьяне от ростовщичества. Если крестьяне не могут уплатить процентов, то монастыри отнимают у них все имущество и выгоняют из сел с пустыми руками. Бывает и так, что поселянин, изнемогая от непосильных трудов, пытается переселиться куда-нибудь в другое место, но монахи не пускают его и требуют внести выкуп за все прожитые в селе годы, забывая все те бесчисленные труды и страдания, какие он понес за эти годы на службе монастырю.

Можно с уверенностью сказать, что ни у одного русского писателя XVI в. мы не найдем такой полной и яркой картины жестокой эксплуатации крестьян в монастырских вотчинах, какая дана в указанных выше сочинениях Максима Грека.

---

⁵⁰ Там же, стр. 119—147. Находится в рукописях: ГПБ им. Ленина, ф. 173 — собр. МДА. (вр.), № 138 (XVI в.), слово 19; ф. 98 — собр. Егорова, № 508 (XVI в.), гл. 8, лл. 130—162 об.; ф. 256 — собр. Румянц., № 264 (XVI в.), лл. 140 об. — 153; ГИМ Увар. № 309 (XVI в.), ч. I, гл. 19, лл. 145 об. — 157 об. и др.